

СОТВОРИТЬ ЧУДО

Две победы, одна за другой: в 1976 году — на всесоюзном конкурсе молодых дирижеров — второе место и звание лауреата; год спустя — победитель труднейшего международного состязания «Фонд Герберта фон Караяна» в Западном Берлине. Тогда ему было всего 24 года.

С момента получения Валерием Гергиевым диплома об окончании Ленинградской консерватории прошло восемь лет. Между тем пройденный период вместил в себя годы плодотворной работы — главный дирижер Государственного симфонического оркестра Армении, преподаватель Ленинградской консерватории, наконец, дирижер Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

Валерий осознавал ответственность, которая легла на него в связи с работой в знаменитом театре под руководством Юрия Темирканова. Первые три-четыре года оказались предельно насыщенными: он участвовал в качестве ассистента Темирканова в подготовке опер «Война и мир» Прокофьева и «Мертвые души» Щедрина, самостоятельно осваивал спектакль «Ромео и Джульетта» Прокофьева и входил в него. Многие дала ему работа музыкальным руководителем капитального возобновления «Мазепы» Чайковского. Затем последовали «Трубадур» Верди, первая постановка балета «Гусарская баллада» Хренникова, «Манон Леско» Пуччини, которая сыграла особую роль в становлении Гергиева — театрального дирижера; ведь работая над ней, он прошел путь от перевода текста на русский язык до решения музыкально-драматургических задач дирижера-постановщика.

...А как он пришел в музыку? Почти случайно. Родным и близким выбор профессии казался неожиданным. В семье профессиональных музыкантов не было, да и среди знакомых никто не был причастен к этой области искусства. Правда, в доме в южном городе Орджоникидзе, где прошло детство Валерия, постоянно звучали осетинские мелодии.

— Никогда не забыть мне длинный коридор с девятью квартирами, огромную летнюю веранду, небольшой восточный дворик, где все жили единой семьей. Здесь впервые я услышал живое звучание аккордеона, тара, которыми неплохо владел сосед. Кстати, именно он обнаружил у меня музыкальные способности и сумел убедить родителей учить музыке.

Как считает Валерий, многим он обязан своему первому педагогу по фортепиано в музыкальной школе Зареме Андреевне Лолаевой и главному дирижеру Северо-Осетинского музыкального театра Анатолию Аркадьевичу Брискину, который разглядел незаурядное дарование юноши и предложил ему заниматься дирижированием.

Памятные годы, проведенные в стенах Ленинградской консерватории, Валерий занимался в классе профессора Ильи Александровича Мусина, постоянно бывал на репетициях и концертах в Ленинградской филармонии, в театрах, встречался с известными музыкантами, в совместных занятиях с товарищами по консерватории постигал азы и секреты избранной профессии.

Даже беглое знакомство с репертуаром Гергиева говорит о том, какое значительное место занимает здесь творчество советских авторов. Нередко он тесно сотрудничал с композитора-

ми, и особое влияние оказала на него, как на интерпретатора, творческая дружба с Тихоном Николаевичем Хренниковым. Они познакомились на караяновском конкурсе, где Хренников был членом жюри. Выступление Валерия произвело на него сильное впечатление.

— Я хорошо помню тот конкурс, — рассказывает Хренников. — Состав участников был достаточно сильным. Престижность и авторитетность конкурсу придавало деятельное участие в нем самого Караяна. Первоначально в калейдоскопе музыкальных впечатлений, информации трудно было кого-то выделить. На Валерия, как на возможного претендента, я обратил внимание после его исполнения Шестой симфонии Чайковского. Это была серьезная работа, отмеченная глубиной переживаний, яркой выразительностью и искренней эмоциональностью. Гергиеву удалось раскрыть потрясающую силу этой музыки, ее сложную философско-трагическую концепцию. Конкурс не стал для Гергиева вершиной. После него последовал ряд других, не менее важных творческих побед на театральных подмостках и концертной эстраде, получивших всеобщее признание. Сегодня Гергиев, несмотря на свою молодость, — зрелый мастер, художник, артист. Ценю его как одного из талантливых интерпретаторов советской музыки.

Подтверждение сказанному — сотрудничество и взаимные творческие симпатии маститого композитора и молодого дирижера, проявившиеся в осуществлении уже названной нами постановки балета «Гусарская баллада» и в проведении авторских концертов Т. Хренникова в Ленинграде, Минске, Риге, Алма-Ате, Ереване и других городах, а также в Японии, ГДР, ФРГ. Каким же видится Гергиеву дирижер 80-х годов XX столетия?

— Сложная задача быть дирижером. Кроме незаурядных музыкальных данных, необходимо одержимость, стремление к постоянному совершенствованию, организаторский талант, — говорит Гергиев. — Я считаю, что дирижер — это призвание. Сегодня, когда общая эстетическая культура народа заметно повысилась, возросли и требования к исполнительскому уровню оркестров, солистов. Дирижер — это лидер, способный вдохновить и собрать оркестрантов в монолитный ансамбль единомышленников. Дирижирование — не только процесс, связанный с подачей афтакта оркестру, с точным механическим отыгрыванием и благополучным совместным завершением произведения. Настоящий дирижер увлекает оркестрантов своим слышанием партитуры, между ним и музыкантами как бы возникает безмолвная договоренность о стремлении к совершенству и идеальному звучанию. Для меня настоящий дирижер тот, который способен даже с оркестром средней руки сотворить чудо — раскрыть душу музыки.

Одна из важных граней дирижерской профессии — мастерство первого прочтения нового сочинения. Ведь именно от этого зависит его дальнейшая судьба. Плохим исполнением «Фантастической симфонии» или музыки балета «Ромео и Джульетта» сегодня невозможно поколебать их высочайшую репутацию, гениальность Берлиоза или Прокофьева. С исполнением новой музыки — все по-другому. Ведь непрозвучавшая новая партитура сама по себе мертва. И от таланта и мастерства интерпретатора в первую очередь зависит ее превращение в Музыку.

И. ПРОКОФЬЕВА,
Вал. ВЛАСОВ.